

Пойдем в мой край,
В поля, в дуга Орловщины,
Нигде я лучше края
не встречал.
Я тут на «ты»
С любимым ручьем и рощено,
Тут для меня
Начало всех начал.

Пойдем в мой край,
Где первоцветы веешие
Весною по-особому цветут.
Тут скажи ты узнаешь
Только здешние, «Матаню»
нашу встретишь
Только тут.

В слух превратишься,
наша песня слушая,
У нас такой в округе
чернозем,
Что даже трактор
За рекою Зушею
На пашне светлым
выглядит пятном.

А наша тройка-птица!
Не отсюда ли
Она впервые начала свой бег?!

Эй, рысак мой!
В них столько удали,
Что славы хватит им
на долги век.

Тропинками извилистыми,
узкими,
Пойдем туда, где земляки мои,
Где по соседству
С соловьями курскими
Попот не хуже
Наши соловьи.

Пойдем в мой край.
Я покажу село мое.
В нем мило все, хоть бедно
до поры:
Простые хаты, крытые
соломою,
Коровий рев и песни детворы...

Весна. Сугробы снега
за каштками,
А по откосам рыжим, у воды
Проталины подснежниками
вытканы, —
Последний снег
И первые цветы!

...Дни первоцветья — дни
невзрачные.
Их нужно видеть, слышать.
Что слова?
Пух тополя льявет,
цветут озимые,
Кричат стрижи, и дремлет
сон-трава...

...А бабье лето с тихого
прохладою,
Со вспыхнувшими шапками
берез,
Над плеском листьев кружатся
И, падая,
Как будто искры,
поджигают лес.

...Зимой у нас — что
в русской сказке.
Где еще
На свете есть подобная зима?
Представь — летящий снег
и дуб седеющий.
Да это же поэзия сама.

Пойдем в мой край,
В поля, в дуга Орловщины,
Нигде я лучше края
не встречал.
Я тут на «ты»
С любимым ручьем и рощено,
Тут для меня
Начало всех начал.

Над костром кукувала
кукушка в лесу,
Но давно от дождя
захлебнулся костер.
И, с поленьев в золу отпавших росу,
Вечер крылья заката
над ним распростер.
Вечер крылья заката
над ним распростер
Во всю ширь колдовскую,
во все небеса,
Только, видно, не дожид
и совсем не роса,
А кукушкины слезы залили
костер.

Доброта — ЕГО СТИХИЯ

70 лет назад, 23 февраля 1932 года, в семье плотника Ивана и крестьянки Прасковьи Блыньских в их скромной хате в покровской деревне Васютино родился будущий поэт Дмитрий. Как и все мальчишки, он играл в лапту, купался. В конце деревни, насчитывавшей около ста дворов, протекал безымянный ручей. Он навсегда стал для поэта символом его малой родины: **С ним связанно все детство. Над ручьем**
Первые музыку услышал я:
Свистела иволга перед дождем,
Влетая свист в журчанье ручья.
Увидел, как на синем полотне
Он вывел облака, меня и мать.
С тех пор, наверно, захотелось мне
Вот так же научиться рисовать.

Учебу Мити в школе прервал приход гитлеровских оккупантов, на его глазах расправившихся с его любимым школьным учителем и несколькими односельчанами. Закончив Дросковскую семилетку, мальчик отправился учиться в Федоскинскую художественную школу. На каникулах он помогал матери — косил, поправлял погреб, строил сарай.

Первую свою поэму «Верный друг» Блыньский написал, будучи матросом Балтийского флота. В 1954 году он поступил в желанный Литературный институт имени А. М. Горького. Выпущенный в Орле в 1957 году первый поэтический сборник Блыньского «Сердцу милый край» послужил ему путевкой в Союз писателей СССР. Через два года он с отличием окончил Литературный институт (дипломной работой стала вышедшая в столице книга стихов «Иду с полем»).

Его пригласили в ЦК ВЛКСМ для работы с творческой молодежью на ударных стройках, в армии и на целине. Дмитрий тесно сотрудничает с «Комсомольской правдой», много ездит по стране. Но его угнетало то, что для творчества времени почти не оставалось. Поэтому в самом начале 1961 года он по приглашению редактора «Орловской правды» И. М. Патенкова перевезает в Орел и становится сотрудником.

С небольшими перерывом в Орловском издательстве выходит поэма «Сенокос в Разливе» и сборник «Стихи. Поэмы». Многие произведения Блыньского публикуются в центральных журналах и газетах, неизменно встречая благожелательные отзывы критиков и читателей.

Последние годы поэт провел в Москве. В составе писательских бригад он исколесил всю страну, но, где бы он ни находился, он в письмах к матери неизменно указывал, сколько километров отделяет его от родных мест, которые посещал при первой возможности.

Передо мной солидный молодой Дмитрий Блыньский, в добротном переплете, с хорошим оформлением. Он вышел недавно. Малая родина помнит поэта.

А я припоминаю первую встречу с ним. С Дмитрием Блыньским меня познакомил Евгений Константинович Горбов. Я принес в редакцию «Орловской правды» стихи. Горбов читал их, когда в комнату вошел высокий молодой человек. Евгений Константинович, кивнув в мою сторону, сказал ему:

— Дмитрий, вы оба в тельняшках и лучше поймите друг друга. Посмотрите стихи. Одно я пометил...

Молодой человек взял страницы: — Не густо. Три страницы. В редакцию надо приходить с подборкой. У классиков и то бывает отсев... Одно можно предложить. В другом — попорти строфы — хороши, дотягивать надо. Третье — слабовато. Ласточки на проводах, как ноты... — зримо, а дальше...

И он мне объяснил «дальше». Дождичко, доверительно, как товарищу. — Где служил?

Я был не только в тельняшке, но и в флотских клеших.

— На Черном, — ответил я.

— Курортники. Завидовали мы вам. Я чепыре с хвостиком отдал Северу... Тебе в институт надо, наш — Литературный. Готовь стихотворный сорок. Я посмотрю...

Мы вышли и направились берегом Орла в сторону одной станции.

Дмитрий нравился мне все больше и больше. От него веяло бесхитростной простотой, доверительностью. Он рассказывал о Литинституте, друзьях, называя известных поэтов Егора Исаева, Гордейчева, Цыбина...

Поступил в Литературный институт, я услышал бль, связанную с Блыньским и профессором Поспеловым. На экзаменах Геннадий Николаевич Поспелов беспощадно «резал» студентов и пил кефир. На столе рядом с экзаменационной ведомостью стояли бутылки с кефиром и стакан. Иногда тут же лежало яблоко. Он разрешал готовить студенту сколько угодно. Были случаи, когда экзамены заканчивались утром следующего дня. В юбилейный год в литинститутской газете под карикатурами красовались стихотворные подлисы. Как раз шла осень. Геннадий Николаевич полюбилась карикатурой на свою «особу», прокомментировал: «Пожж, нечего сказать...» Напунял, пропалит слух.

В Литинституте четверть века, На каждой сессии кумир! Спокойно режет человека И преспокойно льет кефир.

Обычно к Поспелову шли по жалобу. Кто вытянет сличку целую, тот и шел первый. А тут наблюдавшая, как профессор рассматривал свою карикатуру, читал подлисы и удалился с улыбкой на устах, все заточили идти сдавать в числе первых. Блыньский напомнил, что он оформитель и автор стихов — имеет право, по справедливости, быть первым. Его и пропустили.

Отвечал Дмитрий уверенно. И вдруг вопрос:

Д. Блыньский с женой и сыном.

— А скажите, молодой человек, в каком году и в каком издательстве вышел мой учебник для вузов «Литература XIX века»? Не знаете... Тогда отвяжитесь, пожалуйста, на скольких моих лекциях вы отсутствовали? Также не знаете. А я знаю, что карикатура на меня и подлисы — ваши рук: «Спокойно режет человека...» Извините, какой же это человек, если он, не зная материала, садится перед преподавателем и начинает, как вы выражаетесь, гнать туфту. Вот кто режет человека. И не один такой резак...

Профессор говорил, а сам, улыбаясь, изучал страницы зачетки Дмитрия.

— Извините, молодой человек, на этот раз я не могу вам поставить зачет. Подготовьтесь как следует и приходите в любое время. А то что получаете? Судя по оценкам в зачетке и вашим успехам в творчестве, вы идеальны на красный диплом, а как «режут» человека — не знаете. Вас ни разу не «резали»...

Студенты, которые топнулись под дверью и слышали поучения профессора, сыпнулись в разные стороны. Блыньский вышел — никого...

А встреча наша состоялась в общежитии (Дмитрий уже работал в «Комсомольской правде»). Было это после выхода в свет в издательстве «Молодая гвардия» его новой книги стихов «Моя точка зрения». Приведу несколько строк из программного стихотворения этой книги:

То дорога, то тропка узкая,
То ручей, то река без дна, —
Ой ты, русская, наша русская,
Наша отчая сторона!

Яность, простота — доходчивая, а напевность какая!
В этом буйном разнообразии —
Кто с Байкала, а кто с Ока —
Мы жавем посреди Евразии,
Беспокойные русаки.

Наше величие, наш безграничный душевный размах, он непонятен карликам, непонятен примитивам:
Раступитесь, рвачи, да нытики,
Да хулилки всех мастей,
Те, что ищут большой политики
В маньчжоре своих ногтей!

Дмитрий приехал в общежитие и подарил мне новый сборник с автогра-

фом: «Дорогую Валентину Солоухину, хорошему поэту, земляку — на добрую память об Орловщине». Я поблагодарил его за книгу, а он, улыбаясь, сказал:

— Пойдем, я тебя покормлю. В одном городе, а встречаемся раз в сто лет.

— Зато какие встречи! Вспомни у Анкаба...

Анкаб — абхазский поэт и студент-пяткурник Литинститута — правдолюб и патриститель. К юбилею был приурочен выход его сборника на родном языке. Дмитрий перевел его стихи на русский. Меня пригласили на вечер. Я не знал, что там Блыньский. Пришел, когда застопе сформировалось. Дмитрий и Иван Лысков сидели рядом.

— Давай сюда, — потеснился Блыньский, — в тесноте, да не в обиде.

Юбилюар леги здравички. Было много тостов и много вина. Кто-то из гостей с лицом «кавказской национальности» стал распространяться о праве нации на самоопределение, высказываясь нехорошо в адрес русских.

Блыньский встал и, как бы протаранив проход, скрылся за дверью. Положение сплс дурагой кавказец, бритоголовый, сажень в плечах. Он достал стоявший в сторонке от него бокал с чаем, налил полный стакан. Что-то выкрикнул по-своему, требуя внимания. Медленно поднялся...

— Я предлагаю этот тост... за Великую Россию! За великий русский народ, который нас примирил, выучил... даже некоторых придумал азбуку... И не дай Бог что-либо плохое случится с Россией... Вы все будете ползать в кровавых лямочках и звать русское, чтобы он вас примирил, сплс...

Он выпил одним духом. Это было в 1962 г. Прошло два года, и вот Дмитрий с новой книгой стихов. Я слышал о ней хорошие отзывы от Владимира Горденчева, Поланского, Егора Исаева. Владимир Цыбин читал наизусть:

Над кручей, в поле, с самого рассвета
В ряды зустые собирал он лето;
Косил упрямо вику с ячменем.
А пот горел, с его лачей стекая,
И думалось, — была жара такая, —
Что даже кожа плавится на нем...

Я проходил практику в журнале «Молодая гвардия» в отделе Цыбина. — Чуть не забыл, — он заглянул в настольный календарь. — Нам приглашают выступить по Всесоюзному радио. Завтра в десять утра будь на Пятницкой. Надо суметь сказать кратко, но емко о сборнике Блыньского. Надо! Не забудь...

Передача получилась удачной. Я читал такие стихи Дмитрия:

Что же ты не ложишься, рыбешка?
Разве ты не знаешь, что война?
Мне бы нескарей
Хотя б немножко,
Мне большая рыба не нужна.

Это Блыньский о пережитом, о той России, за которую наши отцы и братья отдавали жизни:

Я ловил.
И, может быть, впервые
Понял чуток сердцем малыша,
Что Россия трудна,
Что Россия
Даже нескарями хороша.

Прошло немного времени. Я все собирался позвонить Дмитрию, по разным причинам откладывая. Судьба свела нас в редакции «Сельской молодежи». Дима показывал рисунки художнику журнала. Вид у него был усталый. Нетрудно было сообразить, что у него началось черная полоса. Цыбин как раз ушел в отпуск, и я остался в отделе за него.

— Стихи чего не предлагаешь? — поинтересовался я.

— Предлагал. Ты же знаешь, как меня обожгли...

Как его «обожили», я не знал:

— Цыбин в отпуске, я хозяин в отделе.

— Дело не в Цыбине. Володька меня поддержит. Есть люди...

— Приноси завтра подборку. А сейчас пошли в буфет, я тебя покормлю, — вспомнил я о его давнем предложении.

Я догадывался, кого он опасался. Позвонил на всякий случай члену редколлегии Василию Федорову — самому авторитетному члену редколлегии журнала, бойцу по характеру. Он-то умел постоять за «друга своего».

Блыньский пришел, как usual, с добротной подборкой. К моему удивлению, с необычной теплотой встретила его Искра Денисова:

— Димочка, радость ты наша! — лепла она. — Почему не заходишь? Ничего не предлагаешь? Напиши мне статью. Напиши, я заказываю. О молодых поэтах... лучше тебя кто напишет!

Ее вызывал Анатолий Васильевич Никонев, главный редактор журнала. Искра заведовала отделом критики и была тоже членом редколлегии. — Дима, подожди меня, — нашла она.

Блыньский положил на стол подборку. До возвращения Денисовой я успел прочесть ее.

— Ну что, покажем Искре? Или пусть читает Федоров и со своим мнением идет к главному?

— Стелит-то она мягко, но ее трудно обойти. Она для Комшалава — авторитет...

Комшалов был секретарь ЦК ВЛКСМ, куратор молодежных журналов и газет. С ним у Блыньского был «напряг».

Вернулась Искра Витальевна, и я показал ей подборку. Она тут же прочитала. Поставила большой плюс, расплсалась:

— Давай в номер...

Я добыл один из сигнальных номеров журнала и подарил Блыньскому. Вскоре в «Правде» появился отзыв об его прозаическом произведении.

— Пишу роман, — пояснил он, — двести страниц есть. Взял командировку от газеты на Север, в Мурманск. Постараюсь взвезать в свой экипаж. Там есть еще офицеры, с которыми я служил.

Больше встретиться мне с ним не пришлось...
Валентин Солоухин.